

УДК 947.1(571.54)

ББК 63.3(2P5)

Из истории подготовки землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв.

Ч. Г. Андреев

Бурятский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, г. Улан-Удэ

В статье освещается вопрос борьбы различных направлений в правящих кругах царской России по вопросу землеустроительной реформы в Забайкалье в конце XIX – начале XX вв. Рассматриваются причины реформы, деятельность комиссии статс-секретаря А. Н. Куломзина, позиции различных министерств, Кабинета и местных властей.

Ключевые слова: землеустройство, реформы, права, Кабинет, коренные народы.

В конце 90-х гг. XIX в. царское правительство принимает законы о поземельном устройстве сибирских крестьян и инородцев: «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях» (23 мая 1896 г.) [1], «Правила о порядке определения земельных наделов и о производстве поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов» (4 июня 1898 г.) [2]. Их издание было вызвано, с одной стороны, серьезными сдвигами в экономике сибирской деревни, с другой – общими экономическими и политическими задачами правительства [3]. Проведение реформы диктовалось, прежде всего, переселенческой политикой царизма, обусловленной ростом классовых противоречий в пореформенный период. Переселением крестьян из внутренних губерний в Сибирь правительство рассчитывало смягчить аграрные противоречия в центре страны и сохранить в нем помещичьи латифундии [4].

Немаловажное значение сыграло социально-экономическое положение самой Сибири. К концу 90-х гг. XIX в. под воздействием относительно раскрепощенных производительных сил центра страны капиталистические отношения получили толчок в своем развитии и в Сибири. В этот период начинается процесс быстрого подтягивания производительных сил к уровню их в европейской части страны. Одновременно наблюдается процесс быстрого роста капитализма вширь [5]. Царизм же стремился к воспроизводству на окраинах господствовавших в центре страны общественных отношений, предотвратить победу капитализма в сельском хозяйстве Сибири. Главные задачи землеустроительной реформы сводились к следующему: ограничить сибирских крестьян в праве распоряжения землей, сузить рамки землепользова-

ния до parcelлы, изъять крестьянские надельные земли из сферы капиталистического обращения, а затем и насадить помещичье землевладение [6]. Изданием землеустроительного закона царизм надеялся также прекратить земельные неурядицы, споры и тяжбы, которые получили широкое распространение в Сибири в конце XIX в. [7].

Эти задачи землеустройства в Сибири царизм начал решать на основе закона от 23 мая 1896 г. и правил от 4 июня 1898 г. Согласно им земельные наделы отводились каждому селению особо, на владение выдавался акт – отводная запись. Земля передавалась не в собственность крестьян, а лишь в их бессрочное пользование. Крестьяне отведенные им наделы не имели права ни отчуждать, ни обременять долгами [8]. Земельные наделы отводились не свыше 15 десятин на наличную мужскую душу, лесные – не свыше 3 десятин, излишки земли отбирались в казну или Кабинет. За последними также сохранялись права на недра земли в наделах. Историк Г. П. Жидков справедливо отметил, что если реформа 1861 г. носила черты буржуазного характера, давала толчок развитию капиталистических отношений в деревне, то сибирские землеустроительные законы накидывали узду на развивавшийся аграрный капитализм, преследовали цель укрепления позиций государственного феодализма [9]. Землеустроительные законы конца XIX в. защищали интересы помещиков крепостнического центра и не ставили задачу поднять производительные силы в сельском хозяйстве Сибири.

Землеустроительный закон от 23 мая 1896 г. не был распространен на Забайкальскую область, входившую в то время в состав Приамурского генерал-губернаторства. Но при разработке этого закона предусматривалось ввести его в дальнейшем и в других «наиболее отдаленных окраинах», в частности в Забайкальской области [10]. Задержка его применения в Забайкалье объяснялась, во-первых, крайней запутанностью и неопределенностью местных поземельных отношений; во-вторых, наличием значительного количества кочевого «инородческого» населения.

Между тем большое влияние на аграрную политику царизма в Забайкалье оказывали внешнеполитические обстоятельства [11]. В конце XIX в. Тихий океан стал узлом противоречий между капиталистическими державами. Создалась угроза дальневосточным владениям России. В связи с этим Забайкалье, как приграничная область, игравшая роль базы и тыла Дальнего Востока, приобрела особое значение [12]. В целях повышения обороноспособности края правительство разрабатывало срочные меры в данном направлении. Этого оно хотело достичь, в частности, укреплением Забайкальского казачьего войска, широкой колонизацией области русскими поселенцами. Для достижения этих целей царизм планировал провести такое землеустройство, итогом которого должно было стать увеличение территории войска и образование огромного колонизационного фонда как результат конфискации земли у местного «инородческого» населения. Прошения хоринских и агинских бурят о признании за ними права собственности на занимаемые ими земли послужили поводом для образования особого совещания по земельному устройству населения Забайкальской области.

Такое совещание в Санкт-Петербурге было создано, согласно царскому указу от 18 декабря 1896 г., под председательством управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги статс-секретаря А. Н. Куломзина [13]. В него вошли представители министерства императорского двора и уделов, военного, внутренних дел, юстиции, земельных и государственных имуществ, путей сообщения, государственного контроля и др. Всего комиссия представляла интересы 11 ведомств. Кроме того, в работе совещания принимал активное участие «специалист и знаток по Востоку» князь Эспер Ухтомский. Местное же население на совещании представлено не было. Совещание должно было выяснить состояние землевладения и землепользования в Забайкалье и обсудить вопрос о дальнейших мерах по поземельному устройству населения [14].

Создание совещания вызвало по-своему оптимистическую оценку у представителей различных кругов. Так, приамурский генерал-губернатор Духовской телеграфировал Куломзину: «Счастлив видеть постановку земельного вопроса Забайкалья согласно моим представлениям. Уверен в основательном справедливом разрешении гордиева узла. Разумеется все местные силы к вашим услугам» [15]. Духовенство в лице одного из своих рупоров, журнала «Православный благовестник», отмечало: «Будем надеяться, что умерят, наконец, стремление бурят к земельным захватам и уделят из захваченных уже ими земель кое-что не только другим народностям, там обитающим, но и образуют достаточное количество земельных участков для будущих переселенцев из европейской России» [16]. Бурятское нойонство через газету П. А. Бадмаева «Жизнь на Восточной окраине» по-своему интерпретировала создание куломзинского совещания. Газета давала понять, что будто бы оно создано для ограждения прав «иногородцев».

Одной из первых задач совещания было проведение статистико-экономического обследования сельского населения Забайкалья, которое должно было дать материал для будущего землеустройства. Первоначальный проект программы исследования предусматривал проведение подворной переписи в наиболее типичных районах области. Но пробный опыт переписи, произведенный на месте, показал большое разнообразие хозяйственного быта различных групп населения. Это заставило комиссию отказаться от первоначального замысла и вместо исследования типичных районов произвести сплошное поселенно-подворное списание [17].

Для проведения этой работы в г. Читу из Санкт-Петербурга прибыла подобранная группа статистиков в количестве 18 человек. Она должна была руководить местными силами в составе 48 человек, привлеченных в качестве регистраторов. Штат статистиков, производивших исследование, был признан полицией «вполне благонадежным в политическом отношении» [18]. Правительство ускорило проведение обследования, в результате чего оно было проведено в условиях крайней спешки (всего за 4 месяца 1897 г.). Работа в напряженной обстановке, существовавшей в области (поземельные споры, тяжбы), опросным методом, позволявшим давать те или иные показания «по вдохновению», большая спешка проводимого исследования, неосведомлен-

ность населения о цели переписи, слабая подготовка регистраторов не могли не сказаться отрицательно на достоверности результатов исследования. Особенно это касается бурятского населения. Исследование Агинского ведомства в 1908 г. выявило, что в 1897 г. буряты, боясь каких-либо фискальных или иных подобных целей переписи, скрывали истинное количество скота или уменьшали его [19].

Следует отметить, что участники статистического обследования ограничились рассмотрением только количественного распределения земельной площади между различными ведомствами вообще, и в особенности между различными группами сельского населения Забайкалья. Такое рассмотрение вопросов землевладения и землепользования отвечало практическим целям исследования – выяснению размеров земельного обеспечения населения для решения вопросов поземельного устройства и создания колонизационного фонда. Вопрос о том, как распределялась земельная площадь внутри каждой группы населения, между различными социальными слоями общества, не ставился членами статистической комиссии. Поэтому проведение обследования не установило размеров распределения важнейших угодий между классовыми группами сельского населения Забайкалья.

После проведения статического обследования окончился первый период деятельности комиссии Куломзина. После этого с 1897 г. в Санкт-Петербурге начали периодически проводиться заседания с участием утвержденных царем членов совещания под председательством статс-секретаря Куломзина. На рассмотрение совещания и были переданы все спорные вопросы: о праве собственности хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли, о границах Нерчинского округа Кабинета и др.

В начале своей деятельности члены куломзинского совещания отмечали, что поземельные отношения в Забайкальской области отличались крайней неопределенностью. Последняя заключалась, по их мнению, в: 1) отсутствии у населения правосознания на владение землей; 2) земельных спорах; 3) неравномерности землевладения, чересполосности [20]. Чтобы выполнить сложную задачу по упорядочению земельного строя в Забайкалье, совещание решило вначале выяснить собственника земель Восточного Забайкалья (Нерчинский округ), в связи со спором на это право между государством (казной) и Кабинетом.

Обследование комиссией Куломзина Восточного Забайкалья выявило крайнюю пестроту и чересполосицу форм землевладения, которые к тому же опирались на различные правовые основания. Здесь были земли казенные, городские, «дарованные» Кабинетом частным золотопромышленникам, земли казаков и государственных крестьян, земли «горнозаводских» крестьян и земли хоринских и агинских бурят (в том числе на праве собственности), урульгинских эвенков (в том числе собственные земли князей и дворян Гантимуровых), дацанские земли ламаистского духовенства, полоса отчуждения Забайкальской железной дороги и железнодорожные лесные дачи, а также участки бесспорного кабинетского владения [21].

Отмечая «исключительность дела», статс-секретарь Куломзин внушал участникам совещания, что если император поручил им обсуждение дела, «в

коем затронуты собственные имущественные интересы е. и. в.», то потому он рассчитывает на «всестороннее» рассмотрение вопроса и «ограждение его собственных интересов» [22]. При этом Куломзин считал, что термин «Нерчинский округ» может оказаться вполне определенным понятием, так как некогда под этим наименованием был известен особый административный округ, состоящий из четырех восточных округов Забайкалья: Читинского, Акшинского, Нерчинского и Нерчинско-Заводского. Мнение председателя совещания о принадлежности всего Восточного Забайкалья Кабинету было поддержано представителями этого императорского ведомства.

Между тем большинство членов совещания в лице министерств земледелия и государственных имуществ, юстиции, военного и государственного контроля высказались против признания права собственности императора на такое огромное пространство. Основной их довод сводился к тому, что права Кабинета должны быть распространены только на земли, лежащие около Нерчинских заводов, т. е. в пределах «Нерчинского горного округа». Они справедливо отмечали, что раздвигать владения императорского ведомства за эти пределы нет законных оснований [23].

Решить вопрос «на строго юридической почве» о праве Кабинета на все земли Нерчинского округа сказалось невозможным. Для разрешения «крайне запутанного дела», исходя из того, что задачей является «в конце концов, примирение практических выгод заинтересованных ведомств», Куломзин предложил пойти на компромисс, считая соглашение «весьма удобным выходом» [24]. Он ухватился за предложение представителя министерства финансов Кутлера. Последний предлагал предоставить Кабинету все свободное пространство, которое останется в Восточном Забайкалье по наделении всего сельского населения землей, по норме, какая будет установлена настоящим совещанием. Далее Кутлер предлагал сохранить за Кабинетом поступление ясака с местных «инородцев» и право взимания в пользу императорского ведомства денежных сборов с населения трех волостей бывших «горнозаводских крестьян» [25].

Куломзин призвал представителей заинтересованных ведомств пойти на взаимные уступки, соответственно их интересам. При этом он заявил, что без разрешения этого дела в том или ином смысле невозможно перейти к разработке законопроекта о поземельном устройстве всего населения спорной части Забайкальской области. После рассмотрения так называемых взаимных уступок ведомств, совещание вынесло согласованное решение, которое вначале было одобрено Комитетом министров, затем утверждено царем в виде закона от 10 апреля 1899 г. «О пределах прав Кабинета е. и. в. на земли Нерчинского округа» [26].

В первом отделе этого закона говорилось, что выражения: «Нерчинская горная округа», «Нерчинский горный округ», «Нерчинский округ» и «Нерчинские заводы» считаются впредь тождественными и соответствуют наименованию «Нерчинский округ ведомства Кабинета его императорского величества». Второй пункт первого отдела положения гласит: «Нерчинский округ – ведомства е. и. в. составляют четыре восточных административных ок-

руга Забайкальской области: Читинский, Акшинский, Нерчинский и Нерчинско-Заводской, с входящими в границу их землями Верхнеудинского округа и Амурским участком».

Таким образом, все Восточное Забайкалье, часть Верхнеудинского округа и Амурского края объявлялись принадлежащими Кабинету. Куломзинская комиссия исчисляла площадь Нерчинского округа в 23 956 750 десятин. К владениям этого императорского ведомства относилась также отдельная Петровская горнозаводская дача в Верхнеудинском уезде площадью 111 975 десятин. Всего площадь кабинетских земель в Забайкалье достигала 23 708 725 десятин, или округленно 24 млн дес. [27].

Но в пределах Восточного Забайкалья жили: государственные и «горнозаводские» крестьяне, казаки, буряты и эвенки. Все эти разряды населения оказались на положении «припущенных» или «водворенных» в «государеву вотчину». Акт 1899 г. разрешал этим «припущенникам» пользоваться в местах их жительства земельными угодьями в том размере, какой будет признан законом, выработанным совещанием по поземельному устройству населения Забайкальской области. Отведенные земли «припущенникам» считались казенными, но за Кабинетом сохранялось право на недра отведенных земель.

На всей территории Восточного Забайкалья почва и лес, находившиеся вне фактического владения «припущенников», включая казенные участки, объявлялись полной собственностью Кабинета. Излишки земель местного населения при предстоящем землеустройстве отходили к Кабинету. Последнему также принадлежала собственность на все недра земель его непосредственного распоряжения и на благородные и драгоценные камни в недрах земель «припущенников». Это условие распространяло влияние императорского ведомства фактически на всю территорию четырех восточных уездов Забайкалья. Итак, куломзинское совещание капитулировало перед возможностями «августейшего» собственника. Лишь только один член совещания – представитель ведомства государственного контроля Васильев – имел смелость выступить против незаконного перечисления Кабинету всего Восточного Забайкалья [28]. Затем приступили к решению вопроса о землеустройстве сельского населения Забайкалья. Председатель совещания Куломзин выдвинул мысль о необходимости поземельного устройства в области на единых началах с тем, чтобы нивелировать этнические и составные различия различных групп местного населения. Учитывая одну из главных целей совещания – укрепление обороноспособности Забайкалья, он считал целесообразным зачисление всего крестьянского и коренного населения в войсковое сословие. Общегосударственное значение меры, по мнению Куломзина, состояло в том, что оно привело бы: во-первых, к усилению военных сил области на случай войны; во-вторых, обращение бурят и эвенков в казачье сословие способствовало бы скорейшему их слиянию с русским населением [29]. Однако большинство членов совещания не согласилось с этим предложением. Причина заключалась в том, что в Забайкалье не хватило бы достаточного фонда запасных земель, чтобы обеспечить перечисляемое в казачье сословие

население 30-десятинным душевым наделом. Такое перечисление к тому же было связано с многими осложнениями и трудностями.

Военный губернатор Забайкальской области Мациевский предложил проект полного территориального и административного обособления казачьего сословия от гражданского населения. В целях образования единой территории казачьего войска он предложил перечислить в казачье сословие горно-заводских крестьян Кабинета, проживавших в Александровской, Дучарской, Шилкинской волостях Нерчинско-Заводского уезда. Против этого предложения выступил представитель Министерства императорского двора, так как такое перечисление нарушило бы интерес Кабинета. Последнему, при землеустройстве этих крестьян, поступила бы в собственный доход земельная подать свыше 30 000 руб. в год [30]. Ввиду протеста Министерства императорского двора предложение Мациевского было отклонено.

Между тем из этого проекта совещание взяло ведущую идею – прочное обособление землевладения казачьего сословия от других групп населения. Поэтому главная задача в отношении упорядочения земельного быта Забайкальского казачьего войска, по мнению совещания, должна была сводиться к установлению войсковой территории с закреплением ее за войском; внутреннее же распределение земель в пределах последней предполагалось предоставить в ведение непосредственно казачьего ведомства [31].

При обсуждении вопроса об установлении территории Забайкальского казачьего войска столкнулись интересы последнего и Кабинета. По положению от 21 июня 1851 г. около 4 млн дес. земли в пределах Нерчинского горного округа должно было перейти во владение войска вместе с крестьянами, перечисленными в казачье сословие. Поэтому военное ведомство настаивало удовлетворить данное положение. Кабинет же соглашался уступить не более 500 тыс. десятин. Но после издания закона от 10 апреля 1899 г. совещание признало невозможным согласиться с предложением военного ведомства и нашло, что при установлении «территории Забайкальского казачьего войска следует отказаться от осуществления требований в этом отношении узаконения 1851 г. и руководствоваться, с одной стороны, общими постановлениями положения 1869 г. о наделении казаков, а с другой – действительным фактическим состоянием современного землепользования войска и всей совокупности его земельных нужд» [32].

Фактическое землепользование казачьего войска являлось достаточным только для наделения его по норме, установленной законом 1869 г.: по 30 дес. на душу мужского пола с прибавлением по 10 десятин станичного запаса. Учитывая, что значительная часть забайкальских казаков занималась скотоводством, требовавшим большего количества земли; то, что необходим отвод по закону сверх станичных земель еще войсковых запасных земель и наделение землею командного состава казачьего войска на основании положения 1869 г., и руководствуясь принципом образования сплошной казачьей территории, совещание сочло возможным предоставить Забайкальскому казачьему войску, сверх фактически занимаемых им земель, еще свободные, не занятые

в Акшинском и Троицкосавском пограничных округах, где почти отсутствовало гражданское население [33].

Обеспечив земельные интересы Кабинета и Забайкальского казачьего войска, хотя при этом несколько ущемив интересы последнего, куломзинское совещание приступило к выработке законопроекта о землеустройстве гражданского населения Забайкалья.

Рассмотрение вопроса о землеустройстве гражданского населения оказалось для совещания гораздо более сложным, чем решение предыдущих вопросов. Ибо здесь возникло очень много проблем: 1) относительно норм земельного обеспечения; 2) о праве собственности хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли; 3) о распространении землеустройства на кочевников, не подлежащих перечислению в разряд оседлых; 4) о тесной связи поземельного устройства «инородческого» населения с преобразованием их административного быта.

При обсуждении вопроса о земельных нормах для крестьянского и «инородческого» населения представители Земского отдела МВД предлагали применить в Забайкалье три нормы наделения удобной земли на душу м. п.: земледельческому населению – 15 дес., скотоводческому – 45 дес., промышленному – 10 дес. [34]. Эти нормы были вычислены на основе данных статистико-экономического обследования Забайкалья в 1897 г. Однако это предложение было отвергнуто большинством ввиду того, что применение трех норм усложнило бы процесс землеустройства в условиях крайней чересполосности землепользования местного населения.

Совещание пришло к согласию о применении 15 дес. нормы для оседлого населения области. Вместе с тем Куломзин считал, что это норма также вполне отвечала бы земельным потребностям оседлых бурят и тех из кочевых, которые уже перешли к хлебопашеству. С этим предложением не согласился управляющий Земским отделом МВД Савич, который предложил положить в основание землеустройства две нормы земельного обеспечения на душу: 15 дес. – для земледельцев и 45 дес. – для скотоводов [35].

Предложение Савича было отклонено. Совещание решило не отступать от порядка, принятого при землеустройстве населения четырех сибирских губерний. Установление двух норм, по мнению совещания, с одной стороны, представляло бы значительные практические неудобства, поскольку обе категории населения проживали чересполосно, а с другой – было излишним, потому что порядок отвода наделов, принятый законом для четырех сибирских губерний, благодаря широким отступлениям от указанной нормы в сторону ее увеличения, якобы вполне ограждал интересы населения [36]. Таким образом, вопрос о научно-обоснованных нормах наделения земель в зависимости от хозяйственного быта населения совещанием не ставился, поскольку такое наделение не отвечало целям аграрной политики царизма.

Следующим важнейшим вопросом деятельности комиссии Куломзина было решение о землеустройстве кочевников. В связи с этим был рассмотрен вопрос о праве собственности хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли. Из законодательных актов 1703 г., 1806 г., 1749 г., 1888 г., пред-

ставленных бурятами в подтверждение этого права, куломзинское совещание рассмотрело указ Александра I от 29 июня 1806 г., в котором, в частности, говорилось о том, что все земли хоринских бурят «...обмежевать без промедления времени и на всегдашнее владение оными выдать грамоту и план, дабы однажды навсегда определить подлинное пространство кочевья их и окончить споры, издавна происходящие и впредь происходить могущие между ними, тунгусами и природными российскими поселенцами» [37]. Совещанием также была рассмотрена жалованная грамота от 23 марта 1888 г., представлявшая хоринским и агинским бурятам право собственности на три земельные дачи по реке Онону, Борзе и Турге. Указ оно признало актом, оформляющим отвод из пустопорожных земель взамен тех, которые изымались из фактического пользования хоринцев ради колонизационных целей. Жалованную же грамоту совещание признало документом «дарующим только ограниченную собственность» [38].

Вместо разбора по существу законодательных актов, на которых хоринские буряты обосновывали свои права на земли, совещание акцентировало внимание на том, какой ущерб нанесет признание за ними права собственности на земли планам царизма по колонизации края. С этой целью оно отметило громадный размер занятой этими бурятами площади (4 062 170 дес.) и «то исключительное положение, которое эти буряты заняли бы, в случае удовлетворения их притязаний, среди других инородцев не только Забайкалья, но и всей империи [39]. Куломзинское совещание пришло к следующему окончательному заключению: «инородцы Забайкальской области: в том числе агинские и хоринские, не имеют по сравнению с прочим населением области, каких-либо исключительных прав на занятие им пространства (за исключением трех дач), вследствие чего эти последние должны быть рассматриваемы, как казенные» [40]. Следует также отметить, что признание за бурятами права собственности на их земли пришло бы в противоречие с ранее изданным актом от 10 апреля 1899 г., объявлявшим Восточное Забайкалье собственностью Кабинета.

В марте 1900 г. вопрос о правах хоринских и агинских бурят на их земли был внесен председателем совещания Куломзиным на рассмотрение соединенных департаментов Государственного Совета одновременно с проектом поземельного устройства населения Забайкальской области, разработанного совещанием. Большинство членов соединенных департаментов выступили против признания за хоринскими и агинскими бурятами прав собственности на их земли. Это мнение они подкрепили еще мотивами «общегосударственного порядка», которые, по их мнению, должны иметь первостепенное значение в этом вопросе. Во-первых, «если признать земельные права бурят, то придется им вернуть также земли, которые давно уже изъяты из владения, как, например, дачи, занятые для Петровского завода, города Верхнеудинска и целого ряда крестьянских волостей и казачьих станиц» [41]. Во-вторых, признание земельных прав хоринских и агинских бурят закрыло бы Забайкалье для переселенческого движения. «В той же мере, как и другие наши окраины, Забайкалье должно, – отмечалось в журнале заседаний Государствен-

ного Совета – воспринять из России переселенческое движение и стать новой родиной для возможно большего числа коренных русских земледельцев, которые только и могут служить надежным оплотом в крае» [42].

В результате разногласий, возникших в соединенных департаментах при обсуждении вопроса о поземельных правах хоринских бурят, этот вопрос был внесен в мае 1900 г. на рассмотрение общего собрания Госсовета. Абсолютное большинство членов общего собрания выступили против признания за бурятами права собственности в какой бы то ни было форме. При рассмотрении данного вопроса царь принял соображения большинства членов Госсовета и утвердил распространение на хоринских и агинских бурят «Положения о поземельном устройстве населения Забайкальской области». Таким образом, законные права бурят были принесены в жертву интересам самодержавия.

По вопросу о распространении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области на кочевников, не подлежащих перечислению в разряд оседлых, также не было единства мнений. Куломзин, представители министерств внутренних дел, финансов и князь Ухтомский полагали, что к этой группе должно быть применено прочное землеустройство с теми отступлениями от общего порядка оседлого населения, которые вызываются особенностями быта и условиями землепользования кочующих народов. Объектом наделения при землеустройстве могли стать группы кочевых «инородцев», связанные общими хозяйственными интересами и тяготением к определенным постоянным угодьям. Куломзин и его сторонники предлагали выделить кочевникам по 42 десятины на душу мужского пола, составив из них поземельные общины. Проектируемый порядок устройства земельного быта кочевых «инородцев», по мнению этой группы, урегулировав их земельные отношения и внося полную определенность в границы их землевладения, нисколько не поколебал бы в то же время устоев их экономического быта и поэтому обеспечил бы сохранение спокойствия в «инородческих» массах [43].

Товарищ государственного секретаря Стишинский, которого поддержали большинство членов совещания, считал целесообразным не землеустраивать кочевников, оставить им земли фактического пользования и производить из них наделы, отрезки и прирезки. Стишинский утверждал, что правительство не применяло землеустройство по отношению к кочевникам. Он считал, что оставление кочевников без землеустройства более соответствовало бы интересам русских поселенцев, которые могли бы постепенно селиться на землях бурят [44]. Следует отметить, что Кабинет сразу же примкнул к предложению Стишинского, которое открывало неограниченный простор для земельного ограбления кочевых аборигенов. В письме царю от 15 ноября 1899 г. Куломзин отмечал, что «принятие категорического мнения большинства членов совещания... было бы равносильно отказу от всякого упорядочения землепользования почти трети всего забайкальского населения (31,3 %), владеющей 45 % всех занятых земель области, и, следовательно, равносильно отказу от выполнения значительной части задачи совещания» [45].

Противники землеустройства кочевого населения утверждали, что оно сопряжено якобы с непреодолимыми трудностями, в частности, с невозмож-

ностью приурочить землеустройство кочевников к каким-либо общественным единицам, так как у них отсутствует та общность земельных интересов, которая способствовала образованию из кочевников определенных групп, могущих отвечать понятию селения оседлых.

Сторонники землеустройства указывали, что забайкальские буряты имеют постоянные кочевки, и в каждую волость будут объединены такие группы «инородцев», хозяйственные интересы которых будут сосредоточены на ее территории. Куломзин отмечал: «.. никаких существенных препятствий к наделению бурят и всех вообще кочевников Забайкалья землею наравне с оседлыми нет. Оседлое и кочевое население области ведет скотоводческое хозяйство одинаковым способом. Поэтому земельные интересы тех и других являются однородными... проживание в юртах и занятие скотоводством не должно служить препятствием к получению землеустройства. Главнейшее внешнее отличие кочевого быта исчерпывается указанными выше признаками. При таких условиях необходимо, чтобы общие основания землеустройства в названной области распространены были не только на оседлую, но и на кочевую часть местного населения» [46].

В отношении вопроса закрепления за кочевниками более или менее обширного пространства, сторонники землеустройства на словах не могли отрицать этой необходимости, ибо потребность в земельном обеспечении у кочевников всегда была значительнее, чем у оседлых жителей. Но всякое увеличение наделов свыше двойного размера 15-десятичной нормы, считали они, должно допускаться не иначе, как с разрешения министра земледелия и государственных имуществ. Следовательно, полагал Куломзин, слишком щедрому распределению земель между кочевниками всегда может быть положен предел. Таким образом, разногласия сторонников и противников землеустройства сводились лишь к вопросу о методах землеустройства кочевого населения. Исходная же их позиция была единой – наилучшее обеспечение классовых интересов царизма на далекой восточной окраине. Рассмотрев доводы двух группировок, царь присоединился к мнению сторонников землеустройства кочевого населения Забайкалья, ибо только на основе основополагающего законодательства можно было бы уверенней провести мероприятия в интересах аграрной политики самодержавия.

Между тем проведение поземельного устройства кочевых «инородцев» Забайкалья не могло быть успешным без соответствующего пересмотра административного строя последних. В документах куломзинского совещания отмечалось, что при разработке «оснований землеустройства забайкальских инородцев обнаружилась тесная связь сего дела с организацией инородческого управления» [47]. Ведь Устав «Об управлении инородцами» 1822 г. ограждал земельные права забайкальских кочевников. Недаром Куломзин отмечал на руководимом им совещании, что «кочевые инородцы Уставом 1822 г. в отношении земельных прав поставлены в совершенно особое положение» [48].

В своем всеподданнейшем докладе царю в октябре 1897 г. Куломзин высказал мнение «о необходимости совместного с землеустройством преобразования управления кочевых инородцев Забайкальской области». Всеподданнейший доклад был одобрен, и 27 октября 1897 г. состоялось новое «высо-

чайшее повеление», возложившее на куломзинское совещание задачу: обсудить вопрос об административном устройстве «инородцев» [49]. В связи с тем, что подготовка административно-судебной реформы для забайкальских аборигенов нашла подробное отражение в работе Н. П. Егунова [50], следует только отметить, что после многочисленных обсуждений куломзинским совещанием был выработан проект административной реформы, который применял к забайкальским кочевникам общие основания устройства общественного управления русских крестьян, установленные положением от 19 февраля 1861 г. в тех формах, в которых эти основания выразились в устройстве управления народов Средней Азии и Казахстана. Согласно этому проекту крупные административно-территориальные единицы – степные думы – раздроблялись на мелкие – волости. Приравнивая коренное население Забайкалья к крестьянам в отношении административного устройства, куломзинское совещание проигнорировало существенные различия, имевшиеся между ними в экономическом и социально-бытовом отношении.

Таким образом, к самому началу XX в. особое совещание по поземельному устройству населения Забайкальской области под руководством статс-секретаря А. Н. Куломзина выработало основные проекты по осуществлению земельной реформы в Забайкалье.

1. ПСЗ-Ш. Т. 16 № 12998.
2. ПСЗ-Ш. Т. 18 № 15539.
3. *Сухотина Л. Г.* Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 62.
4. *Асалханов И. А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX века. Новосибирск, 1975. С. 46.
5. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 309.
6. *Худяков В. Н.* Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 172.
7. *Асалханов И. А.* Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ, 1968. Вып. 5. С. 97–98. (Труды Бурятского института общественных наук).
8. Там же.
9. *Жидков Г. П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 183.
10. *Асалханов И. А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX века. Новосибирск, 1975. С. 47.
1. Complete set of laws. Vol. 16. № 12998.
2. Complete set of laws. Vol. 18. № 15539.
3. *Sukhotina L. G.* Government land-arranging policy in Western Siberia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries // Issues of Siberia history. Tomsk, 1965. Issue 2. P. 62.
4. *Asalkhanov I. A.* Agriculture of Siberia at the end of XIX – beginning of the XX centuries. Novosibirsk, 1975. P. 46.
5. *Goryushkin L. M.* Agricultural Relations in Siberia of the imperialism period (1900 – 1917 years). Novosibirsk, 1976. P. 309.
6. *Khudyakov V. N.* The agricultural policy of tsarism in Siberia during the reform period. Tomsk, 1986. P. 172.
7. *Asalkhanov I. A.* Concerning the agricultural tsarism policy in Siberia at the end of the XIX century // Research materials on the history of Buryatia. Works of the Buryat Institute of social sciences. Ulan-Ude, 1968. Issues. P. 97–98.
8. Ibid. P. 97–98.
9. *Zhidkov G. P.* Cabinet landowning (1747– 1917 years). Novosibirsk, 1973. P. 183.
10. *Asalkhanov I. A.* Agriculture of Siberia at the end of XIX – beginning of the XX centuries. Novosibirsk, 1975. P. 47.
11. *Egunov N. P.* The colonial policy of tsarism end the First stage of the national

11. *Егунов Н. П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ, 1963. С. 90.
12. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 420.
13. РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 199. Л. 190.
14. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 80.
15. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 374.
16. Православный благовестник. 1897. № 6. Т. 1. Ч. 2. С. 287.
17. Материалы комиссии Куломзина. СПб., 1898. Вып. 1. С. 11–12.
18. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 4. Л. 60.
19. Труды Агинской экспедиции. Чита, 1911. Вып. 8. С. 96.
20. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. Л. 4.
21. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 656. Л. 168.
22. РГИА. Ф. 468. Оп. 63. Л. 124. 129.
23. РГИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 220. Л. 166.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 63. Л. 137.
25. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2795. Л. 301.
26. ПСЗ-III. Т. 19. № 16736.
27. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1203. Л. 114.
28. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2795. Л. 301.
29. *Егунов Н. П.* Указ. соч. С. 93.
30. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2793. Л. 129.
31. *Егунов Н. П.* Указ. соч. С. 98.
32. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. Л. 27
33. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. Л. 35
34. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 46. Ч. 1. Л. 95–97.
35. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 429.
36. Там же. Л. 430.
37. ПСЗ-1. Т. 29. № 22189.
- movement in Buryatia in the imperialism period. Ulan-ude, 1962. P. 90.
12. RHSAD (Russian Historical State Archival Depository). Fund 1274. List 1. File 3. Part 2. P. 420.
13. RHSAD. Fund 1160. List 1. File 199. P. 190.
14. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 1. Part 1. P. 80.
15. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 3. Part 2. P. 374.
16. Russian Orthodox magazine. 1897. N 6. V. 1. Part 2. P. 287.
17. Materials of commission head by Kulomsin. Saint-Peterburg, 1898. Issue 1. P. 11–12.
18. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 4. P. 60.
19. Works of the Aginsk expedition. Chita, 1911. Issue 8. P. 96
20. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 2. Part 1. P. 4.
21. RHSAD. Fund 468. List 44. File 656. P. 168.
22. RHSAD. Fund 468. List 63. File 124. P. 129
23. RHSAD. Fund 369. List 1. File 220. P. 166.
24. RHSAD. Fund 468. List 45. File 63. P. 137.
25. RHSAD. Fund 468. List 23. File 2795. P. 301.
26. Complete set of laws. Vol. 19. № 16736.
27. RHSAD. Fund 468. List 23. File 1203. P. 114.
28. RHSAD. Fund 468. List 23. File 2795. P. 301.
29. *Egunov N. P.* Ibid. P. 93.
30. RHSAD. Fund 468. List 23. File 2795. P. 129.
31. *Egunov N. P.* Ibid. P. 98.
32. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 2. Part 1. P. 27.
33. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 2. Part 1. P. 35.
34. RHSAD. Fund 1291. List 84. File 46. Part 1. P. 95–97.
35. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 3. Part 2. P. 429.
36. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 3. Part 2. P. 430.

38. РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 220. Л. 185.
 39. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 405.
 40. РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 220. Л. 184.
 41. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 383.
 42. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 394
 43. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 2. Л. 432.
 44. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 203. Л. 141.
 45. РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 73. Л. 24. Л. 24
 46. РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 207. Л. 550–551.
 47. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 729.
 48. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 141.
 49. РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 5. Д. 4.
 50. *Егуннов Н. П.* Указ. соч. С. 173–204.
37. Complete set of laws. Vol. 29. № 22189.
 38. RHSAD. Fund 396. List 1. File 220.
 39. RHSAD. Fund 1274. List 1. File 3. Part 1. P. 405.
 40. RHSAD. Fund 396. List 1. File 220.
 41. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 3.
 42. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 3.
 43. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 3.
 44. RHSAD. Fund 1642. List 1, File 203. P. 141.
 45. RHSAD. Fund 1642. List 1, File 73.
 46. RHSAD. Fund 1160. List 1, File 207. P. 550–551.
 47. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 3.
 48. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 3.
 49. RHSAD. Fund 1274. List 1, File 5. P. 4.
 50. *Egunov N.* Ibid. P. 173–204.

History of Land-Utilization Reform Arrangements in Trans-Baikal in Late XIX c. – Early XX c.

Ch. G. Andreyev

Buryat branch of Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, Ulan-Ude

The article considers the problem of conflict in ruling groups of tsarist Russia regarding the land-utilization reform in Trans-Baikal in late XIX c. – early XX c. The article examines the reform's background, the State-Secretary A. N. Kulomzin's commission activity, the viewpoints of ministries, the Establishment and the local authorities.

Key words: land-utilization, reforms, rights, the Establishment, indigenous people.

Андреев Чингис Георгиевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Бурятского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, 670042, г. Улан-Удэ, а/я 6226, e-mail: chin-andr@mail.ru

Andreyev Chingis Georgievich – Doctor of Historical Science, Professor of Buryat branch of Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics, 670042, Ulan-Ude, post office box 6226, e-mail: chin-andr@mail.ru